

ПРАВОСЛАВИЕ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ КВАЗИРЕЛИГИЯ

Л. А. Андреева

Центр цивилизационных и региональных исследований РАН,
г. Москва, Россия

ORTHODOXY AND THE COMMUNIST QUASI-RELIGION

L. A. Andreeva

Center for Civilization and Regional Studies, Moscow, Russia

Summary. The ideological bases of support by broad masses of bolsheviks and the Soviet authority after October revolution of 1917 reveal in the article. Their aspects caused by disappointment in Orthodoxy as official religion of Russian empire in connection with discrepancy of sociopolitical positions of orthodox church to social and economic interests of people, and first of all peasantry come to light. Receives judgement process of transformation of religious layers of mass consciousness which content made replacement of orthodox religiousness by bolshevik interpretation of the communist outlook similar to religion by the totalitarian character, absolutization of some doctrine paradigms and idolize some images.

Keywords: bolsheviks, Soviet authority, October revolution, Orthodoxy, mass consciousness, transformation.

С. Н. Булгаков, осмысливая ход революционных событий 1917 года, резюмировал: «Как ни мало было оснований верить грезам о народе-богоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался нехристианским» [4, с. 609]. Пытаясь ответить на вопрос, почему «народ-богоносец» вдруг массово воспринял большевистскую идеологию, Н. А. Бердяев писал, что «тоталитарность, требование целостной веры, как основы царства, соответствует глубоким религиозно-социальным инстинктам народа. Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с Московским православным царством... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народ» [2, с. 117, 93].

В октябре 1917 года Временное правительство было свергнуто большевиками. Легкость свержения Временного правительства и быстрое малокровное установление власти Советов можно объяснить тем, что народ видел в большевиках выразителей насущных требований. Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире, где война объявлялась преступлением против человечества, и Декрет о земле, отразивший дух 242 крестьянских наказов, утвержденных как приложение к Декрету. Основой Декрета о земле большевикам послужила эсеровская программа. Ее реализация отвечала многовековым чаяниям народа и воспринималась как акт социальной справедливости, а само большевистское правительство получило огромную поддержку крестьян, и никого не интересовало, чья это программа с точки зрения партийной принадлежности. Как пример можно привести письмо крестьянина, помещенное в «Петроградской правде»: «А когда царя-батюшку с божьей помощью спихнули, то тут появилась партия социалистов-революционеров... Но мы, беднота, ожидали такую партию, которая открыто бы высказалась за наделение нас землей... И вот

в начале ноября... получаем декрет, в котором говорится, что отныне собственности на землю нет, от помещиков земля отбирается и передается трудовому народу... Прочитали подпись под декретом – «Ленин»... *Доверие к попу пропало, а интерес и доверие к Ленину возросли* (курсив мой. – Л. А.)» [Петроградская правда, 1918, 21 сентября].

Православная церковь практически открыто встала во враждебные отношения к новому режиму. Стоит обратить внимание на тот факт, что в ходе выборов во всероссийское Учредительное собрание в ноябре – декабре 1917 г. за православные партии по всей России было подано 155 тыс. голосов. Еще 54 тыс. голосов было подано за партии старообрядцев и 18 тыс. – за иные христианские политические движения. Иными словами, в обстоятельствах крайнего не только политического, но и нравственного антагонизма христианские партии привлекли менее полпроцента российского электората [7, с. 95]. Вообще же, можно согласиться с мнением исследователя С. Л. Фирсова, что «позиции Церкви в новой России были очевидно слабы. События, происходившие в главной конфессии империи в течение последних предреволюционных лет, не могли не повлиять на отношение к ней в самых широких слоях российского народа» [22, с. 577]. В поэме «Двенадцать» А. А. Блок выразил это отношение в следующих строках:

А вон и долгополый –
Сторонкой за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ [3, с. 516].

В народном сознании несправедливый социальный строй прочно ассоциировался с государственным Православием; в силу этого призывы Православной церкви к борьбе «с большевистской чумой» только усиливали сознание того, что это правильная, народная власть, если у нее появился такой враг, как Православная церковь.

11 ноября 1917 года Священный Собор Российской Православной церкви принял послание [16, с. 103–104]. В нем он открыто объявил о неприятии идеологии большевиков и призвал народ отказать им в поддержке: «Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия! Вернитесь на путь Христов!» В послании говорилось: «Одна часть войска и народа, обольщенная обещаниями всяких земных благ и скорого мира, восстала на другую часть» – фактически констатировалось начало гражданской войны. Собор дал негативную оценку действиям Советского государства по национализации земли: «Давно уже в русскую душу проникают севы антихристовы, и сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого». В послании содержалось неприятие выхода России из войны с Германией. Правительство большевиков, объявившее о прекращении войны, унесшей уже более 6 млн человек, объявлялось изменническим: «Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует родины и ее святыни. Они становятся изменниками Родины, которые чинят неслыханное предательство России и верных союзников наших». Стоит обратить внимание в этом послании на сле-

дующий момент – Священный Собор Православной Российской Церкви не восхвалял и павший царский строй: «Но к нашему несчастью, доселе не родилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной».

19 января 1918 г. патриарх Тихон в послании к архипастырям и всем верным чадам Российской Православной церкви [16, с. 110–112] назвал большевиков «безбожными властелинами тьмы века сего» и призвал к открытому сопротивлению и организации Союза духовных борцов. При этом указывалось, что противостояние предстоит не мирное и не духовное: «А если нужно будет, и пострадать за дело Христово зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою». Напрямую Тихон в этом послании не анафематствовал большевиков, а анафема провозглашалась против «безумцев, творивших кровавые расправы». О том, какие расправы творились спонтанно над духовенством, рассказывал на Соборе Патриарх Тихон, описывая гибель митрополита Киевского Владимира в январе 1918 года: «Убийство произошло 25 или 26 января, когда часть Киева была уже в руках большевистских войск. Большевистские солдаты в этот день явились в Киево-Печерскую Лавру, находившуюся вблизи арсенала. Солдаты думали, что в Лавре установлены орудия. Спросив у лаврской братии, кто здесь хозяин, солдаты направились в покои митрополита Владимира, произвели здесь обыск, рассчитывая найти большие деньги. Но у митрополита Владимира оказалось только 100 рублей. Затем солдаты спросили митрополита, нет ли в Лавре орудий или оружия. Несмотря на заявление митрополита, что никакого оружия в Лавре нет, солдаты произвели полный обыск. Конечно, ничего подозрительного в Лавре не оказалось. После этого солдаты приказали митрополиту Владимиру одеться и следовать за ними в комендатуру. Был вечер. Митрополит был выведен за лаврские ворота. Братия Лавры или перепугалась, или солдаты не разрешили ей идти за митрополитом, – только митрополит Владимир ушел с солдатами один. На следующее утро митрополит Владимир вблизи Лавры был найден убитым. На трупе были обнаружены две смертельные огнестрельные раны и несколько штыковых» [16, с. 117].

23 января 1918 года правительство обнародовало Декрет СНК об отделении Церкви от государства и школы от Церкви [16, с. 113–114]. Он ввел Православную церковь формально в рамки буржуазно-либеральных норм и гарантировал, что «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются». Вводилась возможность замены (по решению суда), в силу религиозных воззрений, одной гражданской обязанности (несение воинской службы) на другую. В ответ на этот Декрет 27 января 1918 г. Собор выпустил воззвание, где опять прозвучал призыв к сопротивлению: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание» [16, с. 116].

7 ноября 1918 года патриарх Тихон выпустил воззвание к Совету народных комиссаров по поводу годовщины Октябрьского переворота. В нем он обвинял большевиков в том, что они «соблазнили темный и невежественный народ» [14, с. 22]. Исследователь А. Б. Зубов по поводу «темноты и невежества» народа дал совершенно обоснованный, по моему мнению, комментарий: «Почему после тысячелетия христианской проповеди на Руси, после веков существования православного царства остался наш народ «темным и невежественным»? <...> Не падают ли убийства, насилия и грабежи, совершенные в годы революции «темным и невежественным»

русским народом, на головы тех, кто, высоко поставленный Промыслом и освобожденный от гнета повседневных бытовых тягот, ленился класть душу свою за овец? Кто много раньше большевиков так часто давал народу камень вместо хлеба и змею вместо рыбы или не давал вовсе ничего, ни хорошего, ни дурного, всецело поглощенный своими заботами. Не с головы ли гниет рыба, и не таков ли приход – каков поп? <...> Боюсь, что неисчислимы страдания, лишения и ужасные смерти многих представителей высших сословий в годы революционного лихолетья – расплата за века их нерадения о долге правителей и пастырей. Большевики не в большей степени виноваты в ужасном пароксизме народного организма, чем гной из застарелой, запущенной раны виновен в смерти больного от общего сепсиса. Не большевики за считанные дни своей власти развратили народ, но те, кто *так* правили ими тысячелетие» [7, с. 96–97].

Открыто объявляя себя врагами Советской власти и призывая, по сути, к борьбе, высшее руководство Православной церкви поставило под удар весь клир, поскольку с начала Гражданской войны духовенство расстреливалось по принципу принадлежности к организации, открыто заявившей о своей борьбе с новой властью еще в мирный период. Только поражение белых армий заставило патриарха Тихона выпустить послание от 8 октября 1919 г. с призывом о невмешательстве в политическую борьбу и подчинении Советской власти. В этом послании он писал, что Церковь «подпала под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению Советского строя» [16, с. 136].

К концу 1920 года Гражданская война была закончена, и большевики решили, что настало время, когда можно вплотную заняться воплощением уже своей, чисто марксистской доктрины, где для религии не могло быть места как для всеобъемлющего и цельного мировоззрения – соперника «единственно верного» марксистско-ленинского учения. Аналогичная ситуация сложится в 30-е годы XX столетия в фашистской Германии. Мнение Гитлера сводилось к тому, что «<...> иерархическая организация и посвящение через символические обряды, действующие магически на воображение, – опасный элемент. <...> Разве вы не понимаете, что и наша партия должна быть такого же характера? <...> Орден, иерархический орден секулярного священничества <...>. Мы или <...> Церковь – есть место только для одного <...>» [15, с. 122].

Исследователь Т. Б. Коваль подчеркивает, что Маркс, Энгельс и Ленин «создали цельное мировоззрение... Представляясь истиной в последней инстанции, коммунизм как религия, притязающая на абсолютность, не знает нейтральных, индифферентных для себя областей. Он не ограничивается какими-то определенными областями... У него было свое представление о смысле жизни, свое понимание высших целей и ценностей. И эти представления он не просто «предлагает», но навязывает, не принимая диалога, а тем более критики. Как религиозные фундаменталисты коммунисты претендуют на влияние на все без исключения аспекты жизни человека и общества, на определение жизни с рождения до смерти... Непримируемость коммунизма ко всем религиям вытекает из стремления быть единственным универсальным мировоззрением, которое исповедуют не сомневаясь, в истинность которого верят» [9, с. 152]. Этим, по моему мнению, «объясняется борьба с религией на всем протяжении существования коммунистического режима, переходившая в 20–30-е годы XX века в кампанию по насильственной атеизации. То, что Православная церковь не была полностью запрещена, объясняется тем, что гонения на Церковь

давали возможность «выпустить пар», прикрыть свои неудачи происками «врагов народа», что было возможно, учитывая сильнейшие антиклерикальные настроения, царившие в России в преддверии революции.

Большевики грезили воображаемой моделью будущего – коммунизмом и созданием нового совершенного «сверхчеловека». Еще в 1904 г. А. В. Луначарский так описывал марксистское обожествление способностей человека: «Вера активного человека есть вера в грядущее человечество, его религия есть совокупность чувств и мыслей, делающих его сопричастником жизни человечества и звеном в той цепи, которая тянется к сверхчеловеку... законченному организму, в котором жизнь и разум отпразднуют победу над стихиями... Если сущность всякой жизни есть самосохранение, то жизнь прекрасная, благая, истинная есть самосовершенствование» [11, с. 181–182]. Картина будущего, обрисованная А. В. Луначарским, перекликается с учением Ф. Ницше. В ницшевской Библии «Так говорил Заратустра» (1883) провозглашалось, что Бог мертв и предрекалось пришествие «сверхчеловека»: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти... Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас осталось от червя. Сверхчеловек – это смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!... Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и искупляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего» [13, с. 7–11]. В 1908–1911 гг. А. В. Луначарский выпустил двухтомный труд «Религия и социализм», где обосновал теорию богостроительства без Бога в рамках новой религии – марксизма. В «Очерках по истории марксизма» А. В. Луначарский писал: «Социализм, это организованная борьба человечества с природой до полного подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, в напряжении сил – новая религия... Новая религия не может вести к пассивности, к которой, в сущности, ведет всякая религия, дающая безусловную гарантию в торжестве добра, новая религия уходит в действие» [10, с. 157]. Идеи коммунистического богостроительства высказывал и М. Горький, что особенно возмущало В. И. Ленина. Отмечали квазирелигиозный смысл коммунизма и религиозные философы Н. Бердяев и С. Булгаков. Как справедливо замечает исследователь культа Ленина в Советской России Нина Тумаркин: «Богостроительство, – а позднее усилия по увековечению памяти Ленина – ставило целью подлинное обожествление человека. В марксизме со всей очевидностью выступает прометеевский порыв-убеждение в том, что сознательные свободные труженики станут творцами нового мира; тем же убеждением проникнута и русская революционная традиция, вобравшая в себя как веру в величие русского народа, так и веру в самих революционеров, которые должны преобразить Россию, – в конце концов, и весь мир – на началах всеобщего равенства. Богостроительство возникло на перепутье различных умственных течений – марксизма, русского революционного движения и апокалиптических чаяний. Ирония истории заключается в том, что богостроители приложили немало стараний для обожествления человеческого гения, воплощенного в личности Ленина, который предал анафеме всякую религию – и которому особенно отгалкивающим представлялось богостроительство, однако именно Ленину суждено было стать, благодаря иным из его ближайших друзей, богочеловеком коммунизма» [19, с. 31.]. Однако представляется, что Ленин стал «богочеловеком» коммунизма не столько усилиями «ближайших друзей», а в силу логики российской истории.

В 20-е годы XX в. стал приобретать мировоззренческую законченность квазирелигиозный культ, который начал складываться в России с 60-х годов XIX в. Образ Ленина еще при его жизни стал обретать признаки сверхчеловека – божества с типичными чертами цикличности: мессианская цель – страдание за народ – победа, которая создаст новую общность.

В 1902 г. В. И. Ленин создал книгу «Что делать?», в которой видел путь к счастью народа в создании профессиональной партии революционеров. Именно революционная организация – союз посвященных – должна перевернуть Россию. В этой работе Ленин изложил революционную теорию, призванную сплотить вокруг него единомышленников. Н. Тумаркин отмечает: «От многих других Ульянова отличала решимость *самому* сделаться примером для окружающих – именно она и способствовала его превращению в Ленина: более того, он создал партию, которая, вооружившись его идеями и указаниями, должна была сыграть организующую и направляющую роль в осуществлении революции в России» [19, с. 64].

С первых дней революции стал складываться культ Ленина как гениального вождя, культ квазирелигиозный по своей сущности. Ранение Ленина в 1918 г. советская пропаганда истолковывала как добровольную жертву человека, сознательно подвергавшего себя опасности (Ленин преднамеренно отказывался от телохранителей). Можно полностью согласиться с Н. Тумаркиным, что культ Ленина берет начало в публичном признании его добровольной жертвы на благо народа [19, 1997, с. 82].

Ты к нам пришел, чтоб облегчить
Наши тяжкие мученья,
Ты к нам пришел, как вождь, разбить
Врагов рабочего движенья...
... Нам не забыть твоих страданий,
Что перенес ты, вождь, за нас.
Ты жертвой стал... [Беднота, 1918, 17 сентября]

В 1920 г. в честь 50-летия Ленина Агитпроп издал огромным тиражом в 200 тыс. экземпляров его биографию, в которой изложена жизнь чудесного младенца и где говорится: «... когда трудящемуся народу жилось очень тяжело под гнетом помещика капиталиста, в городе Симбирске, в небогатой семье родился мальчик, которому потом выпало на долю вместе с рабочими и крестьянами отобрать у помещиков... землю, освободить рабочего... и начать коренное переустройство мира» [12].

Еще при жизни Ленина стали возникать Ленинские уголки. В 1923 г. на Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве, проходившей в Центральном доме крестьянина, был устроен Ленинский уголок, содержащий рисунки, фотографии Ленина, документы [20]. Его идея однозначно восходит к красному углу русской избы, в котором помещались иконы.

После кончины В. И. Ленина 21 января 1924 г. его квазирелигиозный культ вступил в решающую стадию формирования. Умер Отец – Основатель нового учения – ленинизма, умер мученик за народное счастье, указавший и знавший единственно верный путь для счастья России и всего мира, умер спаситель угнетенных всего мира. Бессмертность Ленина призван был продемонстрировать Мавзолей с нетленным телом вождя. Следует напомнить, что незадолго до смерти Ленина прошла кампания по вскрытию мощей православных святых, многие из которых оказались весьма далекими от нетленности. М. И. Калинин, а главное И. В. Сталин

высказались за бальзамирование тела. Сталин, ссылаясь на волю «товарищей из провинции», говорил: «Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому должен быть и похоронен... Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего». Л. Троцкий сразу уловил смысл сталинского предложения: «Когда тов. Сталин отговорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин – русский человек и его хоронить надо по-русски. По-русски, по канонам Русской православной церкви, угодники делались мощами. По-видимому, нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону – сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергия Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят заменить их мощами Владимира Ильича» [19, с. 159].

Строительство Мавзолея для сохранения ленинских мощей станет апофеозом воплощения формулы о бессмертии Ленина: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». Как замечает С. Л. Фирсов, «место захоронения «главы церковной иерархии» достаточно быстро утратило траурный смысл. Мавзолей как символ вечной жизни революционных идей соединил в себе функции высшего пьедестала почета, коммунистического храма, сакрального центра коммунистической цивилизации, посещение которого есть в то же время причащение к ленинской идеологии, демонстрация веры в реальность "царствия рабочих и крестьян"» [21].

Таким образом, был создан квазирелигиозный культ Ленина. Согласно христианской сакрализации власти царь есть Наместник Христа на земле, его земная актуализация. Именно эта схема лежала в складывании в дальнейшем культа Сталина, который, подобно древнеегипетским фараонам, по «должности» унаследовал «божественную» природу Ленина, согласно формуле: «Сталин – Ленин сегодня». 7 ноября 1933 г. американский журналист Юджин Лайонз, совершив прогулку по Москве, подсчитал количество портретов и бюстов – «политических икон», по его определению. На протяжении нескольких кварталов изображений Сталина оказалось 103, а изображений Ленина – только 58 [19, с. 223]. Однако нельзя согласиться с выводами Н. Тумаркин о том, что эти цифры свидетельствуют о вытеснении культа Ленина культом Сталина. Оба культа не могли существовать один без другого. В 1933 г. Сталин был актуализацией Ленина, отсюда и преобладание его «политических икон». В рамках этого двойного культа провозглашалась новая мораль, новые культовые обряды – октябрины вместо крестин и т. д. Была сформулирована и новая мессианская идея, которая воплощалась через Третий Интернационал. Призывая на словах к светлому коммунистическому «завтра», Сталин на деле вернулся к самодержавному «вчера». *Должность главы партии стала сакральной, объединив жреческо-идеологические и властные земные функции. В России опять возродилась наместническая власть. Коммунистический вождь должен был восприниматься, как «наместник нового Христа» – Ленина.*

Как верно отмечает С. Л. Фирсов: «Ведя борьбу с институциональной церковью, уничтожая ее святыни и издеваясь над ее святынями, большевики противопоставили им свои святыни и святых. Традиционное сознание никогда не усвоило бы новых ценностей, если бы они не были обернуты в старую «упаковку». Форма в данном случае полностью заменяла содержание. В стране с первых дней революции создавался культ новых героев. Были святыне «вселенские» (великие революционеры прошлого) и свои. По ходу революции и гражданской войны появлялись новые коммунистические

мученики, беззаветно отдавшие свои жизни ради «общего дела». Уже в 1920-е годы появляется новая «житийная литература»: книги о Ленине и его сподвижниках, о героях недавнего прошлого (например, о И. В. Бабушкине), о здравствовавших на тот момент революционерах. Коммунистические святцы довольно быстро пополнились новыми именами, в 1920-е детей стали называть в честь новых святых и главного «бога» – Ленина: Вилен, Виленин, Виль, Владлен... В честь вождей уже при их жизни переименовывались города...» [21].

В советской идеологии нетрудно заметить черты манихейства и дуализма. Все зло исходило от мира капитала, а частная собственность выступала в роли первородного греха, весь свет и добро – от Советской России, которой предназначено в тяжелой схватке победить мир тьмы. Победа мира социализма над миром капитала и построение земного коммунистического рая на земле – коммунистическая эсхатология. Можно согласиться с мнением Т. Б. Коваль, что «в определенном смысле коммунизм в своих чаяниях Царства Божия на земле был близок к древнему иудейскому хилиазму, ориентированному на рай на земле в «этом эоне», а не за пределами истории, «в будущем веке», как свойственно христианской эсхатологии» [9, с. 159]. Партия воспринималась как ектлезиастический институт – своего рода коммунистическая Церковь посвященных. Были в ней и свои еретики, которые извращали чистоту коммунистического учения и потому должны были быть изгнаны (НКВД можно рассматривать как своего рода религиозную инквизицию). Был и свой «падший ангел» – Л. Д. Троцкий. Современница тех событий и родственница И. В. Сталина в своем дневнике выражает свои чувства по поводу процесса над троцкистами: «... душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня. Хотелось бы их пытать, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими» [8, с. 176]. Роль Соборов выполняли съезды партии. Были и свои священные писания – труды классиков. Как метко заметил С. Л. Фирсов, была создана и «энциклопедия большевизма» – краткий курс истории ВКП(б): «Памятник коммунистического религиозного дуализма, эта книга на долгие годы стала священным писанием большевиков-ленинцев (сталинцев). Ее религиозная ценность... состоит в том, что она давала ясный и однозначный ответ на вопрос о добре и зле (в большевистско-сталинском понимании, разумеется). Автором книги официально считался пророк «новой истины» – И. В. Сталин, хотя он никогда не признавался в авторстве» [21].

Советский режим использовал патриотический порыв людей в Великой Отечественной войне для легитимного возрождения имперских принципов и символов самодержавной России. Де Голль напишет о Сталине: «Один лицом к лицу с Россией, Сталин видит ее таинственной, более сильной и более прочной, чем все теории и все режимы. Он ее любит по своему. *И она приняла его, как царя* (курсив мой. – Л. А.), до истечения страшного времени, и поддерживает большевизм, чтобы использовать его, как орудие. Собрать славян, раздавить германцев, распространиться в Азии, получить доступ к открытым морям – такими были мечты родины, такими стали цели деспота» [Цит. по: 1, с. 66]. Де Голль уловил главное: в Советской России появился коммунистический царь, скроенный на старый наместнический лад. Еще в 1935 году И. В. Сталин в приватной беседе сказал своей родственнице М. А. Сванидзе, что «народу нужен царь, т. е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать» [8, с. 176].

Арнольд Тойнби констатировал по этому поводу: «как под Распятием, так и под серпом и молотом, Россия – все еще «Святая Русь», а Моск-

ва – все еще "Третий Рим"» [18, с. 114]. Круг замкнулся. Совершенно логичным выглядит и то, что именно в этот период – в 1943 году в церковно-государственных отношениях произошел коренной перелом. Церковь становится символом преемственности сталинского государства и царской России. Сталин опирался в Православной церкви на такие элементы, которые были воспитаны в традициях государственной церкви и видели в новой политике Сталина возвращение к дореволюционной норме. В русле новой политики 14 сентября 1943 года постановлением Совнаркома был образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, а несколько позднее был создан и Совет по делам религиозных культов. В период с 1943 по 1953 годы происходит оживление Православной церкви в СССР, повышается и активность других религиозных объединений. Несмотря на то, что в начале 60-х годов, в связи с выдвиганием курса на построение коммунистического общества за 20 лет, вновь усиливаются административные методы борьбы с религией, в массовом порядке закрываются религиозные организации. Однако в целом стиль государственно-церковных отношений, установленный в годы Великой Отечественной войны, не претерпел коренных изменений. По сути произошел возврат к старой дореволюционной модели контроля государства за религиозными конфессиями, но в рамках социалистического государства. Не имея опыта самостоятельного функционирования, российские религиозные конфессии в обмен на поддержку государства и сохранения статус-кво поддерживали своим авторитетом советскую власть.

Именно в 60-е годы XX века начинается распад коммунистической квазирелигии. Разоблачение Н. С. Хрущевым культа личности Сталина разрушило сакральную формулу наместнической власти: «Сталин – Ленин сегодня». Хрущев уже не мог стать «Лениным сегодня», как и последующие коммунистические вожди. Именно разрушение культа Сталина, а именно квазисакральной связки – действующий лидер как актуализация Ленина, явилось, на мой взгляд, одной из основных причин деградации коммунистической системы легитимизации власти, что в конечном итоге, наряду с экономическими факторами (рай на земле все не наступал), привело к крушению СССР.

Таким образом, можно констатировать, что неприязнь коммунистического режима к Православию объяснялась во многом тем, что коммунисты усматривали в нем соперника по легализации тотальной власти и легитимизации тоталитарного государства, поскольку в тоталитарном обществе существует только одно тотальное мировоззрение, которое и может быть признано государством единственным истинно верным. Можно согласиться с мнением исследователя В. Д. Жукоцкого о том, что исторический казус эпохи советского тоталитаризма состоял в том, «чтобы одной разновидности (патриархального, старорелигиозного) деспотизма решительно противопоставить другую его разновидность (коммунистического, формально – антирелигиозного), чтобы тоталитарной интенции одной культурно-исторической традиции противопоставить тоталитарную интенцию другой культурно-исторической традиции, по принципу – клин клином вышибают. Задача – погасить одну крайность другой, выйти, наконец, на оперативный простор свободного демократического развития культуры, в котором бы на равных сочетались и взаимодействовали ценности консерватизма, либерализма и социализма» [6, с. 92.].

Библиографический список

1. Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. – М., 1998.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
3. Блок А. Избранные произведения. – Л., 1980.
4. Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм. В 2 т. Т. 2. – М., 1993.
5. Деревенская беднота о товарище Ленине // Петроградская правда. – 1918. – 21 сентября.
6. Жукоцкий В. Д. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3.
7. Zubov A. B. Forty days or forty years? // Преемственность и возрождение России. – М., 2001.
8. Иосиф Сталин в объятиях семьи (Сборник документов). – Берлин; Чикаго; Токио; Москва, 1993.
9. Коваль Т. Б. На развалинах Вавилона // Мир России. – 1997. – № 4.
10. Луначарский А. В. Очерки по истории марксизма. – СПб., 1908.
11. Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики // Очерки реалистического мировоззрения. – СПб., 1904.
12. Невский В. И. В. И. Ульянов (В. Ленин). – М., 1920.
13. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – Минск, 1997.
14. Послания святителя Тихона. – М., 1990.
15. Пруссаков В. Оккультный рейх // Оккультный мессия и его рейх. – М., 1992.
16. Русская Православная Церковь в советское время. В 2 т. Т. 1. – М., 1995.
17. Страдающий Аким. В. Ленину // Беднота. – 1918. – 17 сентября.
18. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 1996.
19. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. – СПб., 1997.
20. Уголок В. И. Ульянова-Ленина. Первая сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка СССР. – М., 1923.
21. Фирсов С. Л. Перевернутая религия: советская мифология и коммунистический культ // www.orthodoxia.org.
22. Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890–1918 гг.). – М., 2002.

Bibliography

1. Besancon A. Soviet present and now Russian past. – M., 1998.
2. Berdyayev N. A. Origins and meaning of Russian communism. – M., 1990.
3. Block A. Selected works. – L., 1980.
4. Bulgakov S. N. Apocalyptic and socialism. V 2 t. T. 2. – M., 1993.
5. The rural poor of comrade Lenin / Petrograd true. – 1918. – September 21.
6. Zhukotsky V. D. Russian reformation of the XX century: the logic of historical transformation of Protestant atheist Bolshevik // Social Sciences and the present. – 2004. – № 3.
7. Zubov A. B. Forty days or forty years? // Continuity and Russia's resurgence. – M., 2001.
8. Joseph Stalin in the arms of the family (Digest). – Berlin, Chicago, Tokyo, Moscow, 1993.
9. Koval T. B. On the ruins of Babylon // World of Russia. - 1997. - № 4.
10. Lunacharsky A. V. Essays on the history of Marxism. - St., 1908.
11. Lunacharsky A. V. Fundamentals of positive aesthetics / Essays realistic outlook. – SPb., 1904.
12. Nevsky V. I. V. I. Ulyanov (B. Lenin). – M., 1920.
13. Nietzsche, F. Thus Spoke Zarathustra. – Minsk, 1997.
14. Epistle of St. Tikhon. – M., 1990.
15. Prussians B. Reich Occult // Occult Messiah and his Reich. – M., 1992.
16. Russian Orthodox Church in Soviet times. V 2 t. T. 1. – M., 1995.
17. Suffering Akim. Vladimir Lenin // poor. – 1918. – 17 September.
18. Toynbee A. Civilization before the court of history. – M., 1996.
19. Tumarkin N. Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia. – SPb., 1997.
20. Ugolok V. I. Lenin. The first agricultural and handicraft industrial exhibition of the USSR. – M., 1923.
21. Firsov S. L. Inverted religion: the Soviet mythology and the cult of the communist // www.orthodoxia.org.
22. Firsov S. L. Russian church on the eve of change (the end of 1890–1918). – M., 2002.